

Омельянюк Александр Сергеевич

„И стех, и грех, и обучение“
романа-эпопеи „Платон Кочет“

Книга серии «Платон Кочет XX век»

Возрастное ограничение 18+

Платон Кочет XX век

Александр Омелянюк

И смех, и грех, и обучение

«Горизонт»

2017

Омельянюк А. С.

И смех, и грех, и обучение / А. С. Омельянюк — «Горизонт»,
2017 — (Платон Кочет XX век)

ISBN 978-5-906858-49-8

Часть «И смех, и грех, и обучение» (апрель 1989 года), написанная автором в 2004 году, является его первым прозаическим произведением, пробой пера. Эта книга входит в серию «Платон Кочет XX век» романа-эпопеи «Платон Кочет». В ней автор повествует о командировке главного героя всего романа-эпопеи – Платона Петровича Кочета – в Киев на курсы повышения квалификации работников одного из направлений оборонных отраслей промышленности, о его путешествиях по городу, и о, сочинённых по просьбе первых читателей, происходящих с разведённым зрелым мужчиной – начинающим поэтом и писателем – забавных любовно-романтических приключениях.

ISBN 978-5-906858-49-8

© Омельянюк А. С., 2017

© Горизонт, 2017

Содержание

Глава 1. Москва – Киев	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Сергеевич Омелянюк

И смех, и грех, и обучение

© Омелянюк А.С., 2017

© ООО «Горизонт», 2017

* * *

Глава 1. Москва – Киев

Ранним апрельским утром, глядя в пробегающие мимо окна вагона дальнего поезда просторные поля и редкие перелески, Платон думал об удачном жребии, выпавшем ему. Первая и, как впоследствии оказалось, единственная в его жизни поездка в Киев, наконец, началась.

Машинально взглянув вслед проходившей мимо него молодой проводнице, с её ног Платон скользнул взглядом по ковровой дорожке и в конце коридора увидел красную на бледно белой стене надпись ПК (Пожарный кран).

Надо же?! – подумал он – Как мои инициалы! Платон Кочет!

И в унисон своим мыслям он расслышал и, будто бы подтверждающий это, стук вагонных колёс на стыках рельсов: Платон Кочет, Платон Кочет, Платон Кочет..., Платон хочет!

Улыбка озарила его лицо, что совпало с первыми лучами восходящего Солнца. Да! Хорошо начинается день!

А накануне вечером шёл мокрый снег. Москва, словно расстроившись, провожала его в неожиданно-негаданно свалившуюся, словно снег на голову, командировку. Да какую! Поездка в Киев для повышения квалификации в течение недели, и то, только до обеда. А остальное время твоё!

Не имея в Киеве ни родственников, ни друзей, ни знакомых, Платон понимал, что второго такого случая в его жизни может и не быть никогда.

Поэтому он твёрдо решил посвятить всё своё свободное время изучению достопримечательностей этого древнего города.

Его приятные предвкушения прервала сухонькая старушонка, вышедшая из соседнего купе и разделившая с ним созерцание восходящего Солнца.

– «Ну, что, милоч! Не спится?».

– «Да нет, бабушка, уже выспался!».

– «А я вот уж старая совсем стала, так долго спать не могу. Ранёхонько подымаюсь. Уж кости дряхлые совсем. Долго лежать не в силах, поясница устаёт. Да и говорят солей полно в суставах-то. Не гнутся они, что-то очень-то. Видать увядаю я!».

– «Ничего, бабуля, пройдётесь сейчас, разомнётесь, и полегчает!».

– «Ты, видать, добрый человек! Куда путь держишь то?».

– «В Киев, в командировку на недельку!».

– «А я вот к внучатам! Туда же, в Киев, к дочери!».

– «А много внучат у Вас?».

– «Да двое всего», – вздохнув, ответила старушка – а раньше-то поскольку рожали!».

– «Так сейчас жизнь другая стала. Тяжело некоторым с детьми».

– «Да жизнь всегда одинаковая. И тяжёлая и не очень. Не в этом дело. Себя больше любить стали. Вот и не рожают. У тебя, кстати, у самого сколько детей будет?».

– «У меня то?» – Платон на секунду задумался, мысленно считая своих детей:

– «Четверо! Три мальчика и девочка! А может и больше? Бог их знает!».

Старушка удивлённо и вопросительно уставилась на Платона:

– «Ну! Ты уж и не помнишь, сколько у тебя детей?!».

– «Так у меня они от разных. Разных мам.... Ну, в общем, могут быть ещё!».

Старушка надолго затихла, соображая что-то в уме. Наверно ей хотелось поговорить с Платоном. Но в душе она не могла смириться с услышанным. Боясь обидеть приглянувшегося ей попутчика, она молчала.

Первым нарушил паузу Платон:

– «Да! Всякое в жизни бывает» – задумчиво произнёс он.

Старушка восприняла это, как знак покаяния, оживилась, и продолжила доверительно:

– «Ты, милый, не расстраивайся! Важно, что ты всё понимаешь. А жизнь, конечно, другая стала. Мало кто теперь её понимает!».

Житейская мудрость подсказала старушке целесообразность продолжения разговора:

– «Вон, как всё подорожало, и нету ничего! Зато конфликты всякие. Стреляют! Мужики вон и заработать-то толком не могут. А кормильцы же. Вот тебе и рождаемость, и буйство, и перспяктива всякая!».

– «Да! Жизнь ухудшается прямо на глазах. А как, мать, раньше-то жилось! А? Всё шло, как по маслу! Всё было и вдосталь...!».

Старушка перебила его:

– «Вот и доходились, милоч! Потому его теперича и нету, масла-то! не надо было всем-то по нему ходить-то!».

Платон чуть было не рассмеялся, подумав, что старушка есть старушка, и ничего старушечье ей не чуждо. Но сдержался. Он вдруг понял, что она, видимо, недовольна своим зятем, если он вообще ещё есть.

После короткой задумчивости старушка заключила:

– «Видать, мы раньше жили при коммунизме, и не знали этого! Не то, что нонче. Не надо было трогать советску власть-то!».

От этих слов Платон совсем было развеселился, но старушка вдруг прервала беседу, коротко попрощалась с ним и быстро засемила в конец коридора, в сторону туалета.

Платон с выражением улыбки на губах остался у окна созерцать окрестности. Настроение его улучшилось, и под впечатлением разговора с незнакомой старушкой, увиденного за окном бесконечного пейзажа, и, в силу неиссякаемого жизненного оптимизма, в голове у него понеслось:

Впервые в Киев еду я!
Там не живут мои друзья.
И родных там тоже нет.
Кому же передать привет?..

И вот вхожу я на перрон.
Сажусь в пятнадцатый вагон.
Меня столица провожает,
И мокрым снегом завлекает.

А вот весна того не знает,
Поэтому вдогонку мне
Густые, мокрые кидает:
Летят снежинки в полутьме...

Дальний поезд быстро мчится,
И колёса стук, стук, стук,
А когда же он промчится,
У меня пройдёт испуг
Перед дальнею дорогой,
Перед новой местностью,
Потому, что за порогом
Встреча с неизвестностью.

Платона отвлекли пассажиры, заполнявшие всё пространство коридора, вставая в очередь в туалет.

Он вошёл в купе к своим попутчикам и стал готовиться к скорому выходу. Поезд приближался к Киеву.

За окном уже появились дальние пригороды. Оазисы природы стали попадаться всё реже и реже, а вскоре вообще сменились сплошным городским пейзажем столицы Украины.

Она встречала гостей солнечной, ласковой, но слегка морозной погодой, словно заманивая их в своё историческое, древнее лоно:

А утром Киев нас встречает
Сухим морозцем на заре.
Наверно старый град не знает,
Что не мешает это мне.

Весь Киев бодро просыпался.
Алел зарёй вдали Восток.
И я немного удивлялся.
И не был в том я одинок.

Поезд прибывал медленно, словно давая своим пассажирам возможность получше рассмотреть восточную часть города.

Уже позже Платон понял, что они проезжали как раз тот район, где размещались их гостиница и учебный центр.

Поезд, наконец, остановился, и радостные пассажиры высыпали шумною гурьбою на перрон. На вокзале всю группу встретили и посадили в специально выделенный автобус вместе со студентами, ехавшими в ту же гостиницу. В салоне было весело и оживлённо. Пассажиры обменивались впечатлениями от мелькавшего за окнами.

Многие, как и Платон, здесь были впервые. И под впечатлением от увиденного он записал в свой блокнот:

Автобус, медленно взбираясь на холмы,
Везёт по Киеву студентов группу.
в том автобусе сидим и мы,
И составляем экскурсантов... труппу...

Ну и картины! Ты меня пощади!
Ну и краса кругом! Боже ты мой!
Старая башня с часами на площади.
Да и брусчатка на мостовой...

Фонтаны, в основном, лепные.
Красивых зданий купола.
Цвета небесно-голубые.
Орнамент, барельефы, бра...

Гранитом здания одеты.
Холмы, покрытые травой.
Резные решётки на окна надеты.
Плакучие ивы, ракета порой...

Широкий Днепр здесь распростёр
Свои объятья в берегах.
Пылает Солнце, как костёр,
В золотоглавых куполах...

И новые районы скачут
На левом берегу Днепра.
Красивые дома маячат.
Их не скрывает даже мгла...

А в результате небольшой заминки:
Напротив улиц двух, угла,
Увидел памятник я Леси Украинки
Напротив златоглавого столпа.

Но разговоры в автобусе отвлекли Платона, и он встрял в них, живо обсуждая увиденное и делаясь охотно впечатлениями.

Вскоре прибыли на место.

Гостиница оказалось вполне приличной, хотя и очень простенькой.

Разместили в номерах по двое. Питание рядом, в ближайшей столовой, трёхразовое, по талонам: завтрак, обед и ужин.

После распределения номеров и краткого инструктажа, всех накормили поздним завтраком и отправили сразу на том же автобусе на деловую экскурсию по предприятиям города.

Возвращаясь с занятий, Платон со всеми вместе прибыл в гостиницу, и вскоре сытно пообедал, получив удовольствие от вкусной еды.

Затем он, наконец-то, отправился в своё первое путешествие по древнему городу – матери городов русских.

По своей психологической сути Платон был неконформист.

Хотя интересы коллектива были ему не чужды, и он всегда героически и честно выполнял свои производственные и общественные обязанности.

Но в областях, где он не был кому бы то ни было в чём-то обязанным, он ощущал себя свободным, гордым, одиноким волком, любящим «охоту» в одиночку.

Он всегда был независим и патологически трудолюбив, делая только то, что хотел делать, поступал так, как считал нужным, и, не обращая никакого внимания на тех, кто привык жить в стае.

Платон узнал, что ежедневные занятия будут проходить только в первой половине дня и включать в себя лекции, семинары, посещения предприятий и организаций.

А после обеда полная свобода.

Он купил карту города, наметил себе сквозные пешие маршруты с таким расчётом, чтобы не было неинформативных дистанций, и чтобы дважды, по возможности, не ходить по одним и тем же маршрутам, не посещать одни и те же места.

Путешествовать он решил один.

Во-первых, у него в этой группе, как впрочем, и у всех коллег, собранных со всего Союза, не было близких знакомых.

Во-вторых, Платон вдобавок к своему высокому росту, был обладателем и длинных ног. Более того, как человек длительное время игравший в футбол, он имел сильно тренированные голеностопные суставы и сухожилия, что позволяло ему на высокой скорости не только обгонять прохожих, но и легко маневрировать в толпе, не снижая скорости.

Даже тогда, когда Платон ранее изредка и подворачивал лодыжку, это обходилось ему несущественной, слабой и тупой, кратковременной болью.

Со стороны казалось, что все прохожие, идущие в попутном направлении, стоят, а Платон лихо пробирается сквозь толпу, проходя, как нож сквозь масло, так, что вряд ли кто-либо смог бы выдержать его темп ходьбы и был бы безусловно для него обузой.

И, в-третьих, он не хотел ни с кем делиться своим свободным временем, так как понимал уникальность шанса, предоставленного ему жизнью, и не хотел свои интересы делить с кем либо, и, тем более, подчинять интересам другого.

Во всяком случае, в данной поездке.

Ощущение полной свободы и независимости окрыляло его и вселяло дополнительную уверенность в своих силах, давало возможность свободно путешествовать и сочинять.

Киев большой, кругом скверы и площади...
И бронзовый памятник Ильичу.
Киев красивый, ты меня пощади!
А то от восторга я в небо взлечу...

Вот парапет мостов длиннющих,
Где Родина-мать свой меч подняла,
Кого угодно с ума свести могущих,
Соединяют крепко берега Днепра...

Холмы покрыты зеленью травы,
И белизна красивых новостроек,
Не бережат во мне уже, увы,
Воспоминанья о чреде попоек...

Газоны, парки и аллеи

От света Солнца заалели.
А розово-цветущий абрикос
Необыкновенный аромат привнёс...

Растёт кругом здесь древо Туя.
Его проходишь, не минуя.
То здесь растёт оно, то там.
Как будто скачет по горам...

Новостройки здесь кишат.
Витрины ломаются от яств.
Меня покоя не лишат
Наличия больших богатств...

Да, Киев Ваш, прекрасный город!
Он покори́л меня своей красой.
Наверно вам он очень дорог?
Архитектурой и булыжной мостовой...

Сей град достоин восхищенья.
Врагам давал не раз отмщенья.
Своею гордой стариной
Он заслужил давно покой...

И золотом горят на Солнце
Кругом кресты и купола.
Как будто ты глядишь в оконце.
И сказочная Мать-Земля

Тебя здесь окружает нежно,
Рисует мир очам твоим.
В душе твоей так безмятежно,
Что всё становится своим...

Ты смотришь и глазам не веришь.
Откуда эта красота?
Ты, киевлянин, не поверишь,
Но это Родина твоя!..

России корни здесь исходят.
И это видно. Всё кругом
Так для Руси моей подходит.
Хоть поверни ты всё вверх дном.

Платон вдруг явственно ощутил здесь нехватку его любимой подруги Ксении.

Как бы сейчас мы с нею здесь погуляли, полюбовались бы красотами, многое бы узнали о древней Руси! – подумал он.

Но ничего, я ей подарю свои стихи о Киеве! – решил начинающий, но уже не молодой, поэт.

Постараюсь написать о Киеве подробнее и красочнее! – продолжил он дальше:

И золотые купола
Горят, как свечи на балу.
Тебе, душа, стихи даря,
Вновь прикасаюсь я к перу...

С большой Владимирской горы
Днепром могучим любовался.
И снова в путь я отправлялся,
И с ним прощался до поры...

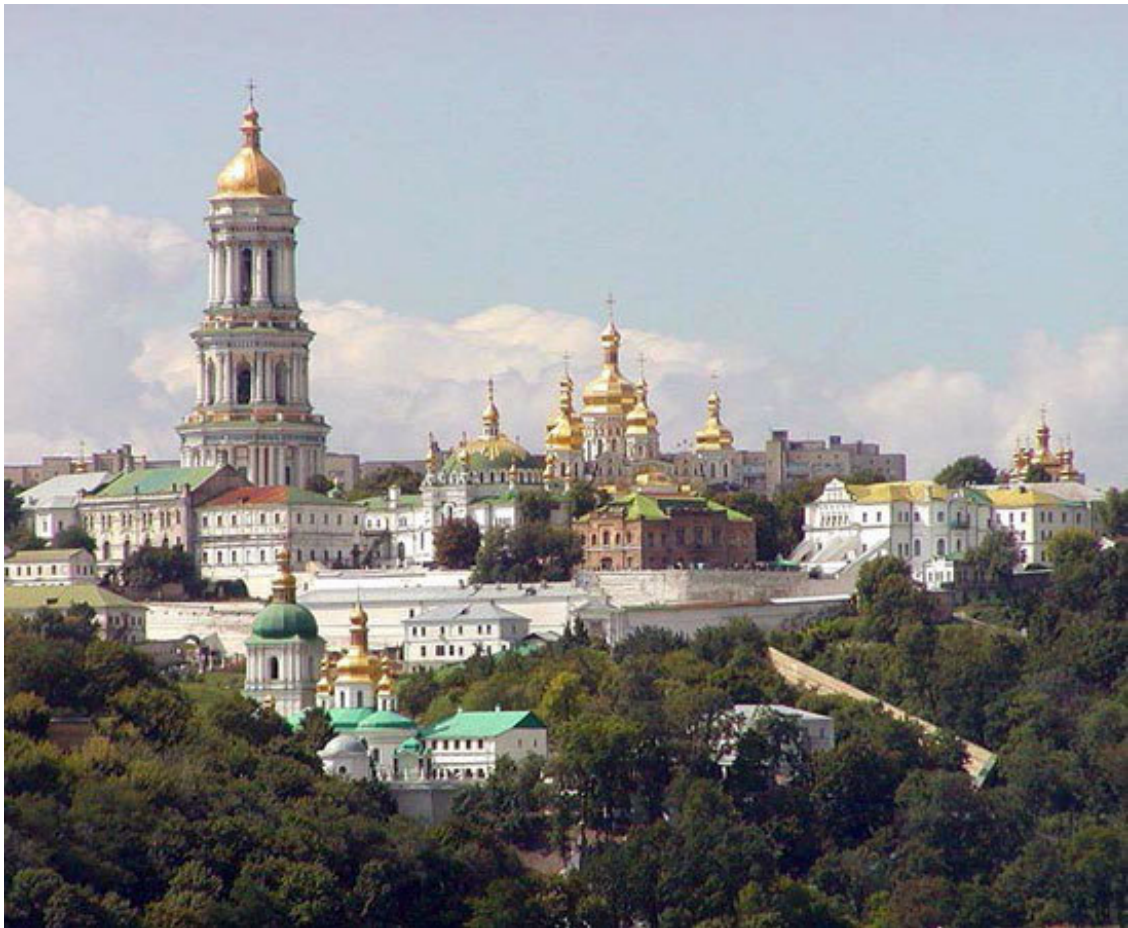
Стадион «Динамо», Мариинский дворец.
Памятник Глинки и Ватутину здесь.
Печерская Лавра есть, наконец.
Сбивают с приезжего всякую спесь...

И золотом горят на Солнце
Печерской Лавры купола.
Рукой достать почти до Солнца
От монумента «Мать-Земля».

В Киево-Печерской Лавре Платон воспользовался неожиданной возможностью присоединиться к группе подземных экскурсантов, облазив с ними легендарное подземелье, о чём он не преминул написать соответствующие строчки:

Вот, наконец, вступил я в Лавру.
Её облазил: вверх и вниз.
И стал, как будто, бакалавром.
Себе вручил я славный приз...

Как будто я вижу здесь древнюю Русь.
В пещеры вхожу, ничего не боюсь.
Иду я вперёд, и всё время дивлюсь.
На свет выхожу, и никак не проснусь...

К мощам святым я прикоснулся.
Душой и телом вострепнулся.
Увидел Лавры сей наряд.
Чему был очень ведь я рад!..

И возвышается над всем
Скульптура из титана.
Она огромная совсем.
Но и не портит плана...

Стоит на горе наша «Родина-Мать».
Стоит на горе та скульптура,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.